

Анатолий Старов

БОЖОК

ПРОЛОГ

Благодаря своим природным способностям, лишенный какого-либо контроля со стороны родителей, казалось бы, вопреки складывающимся жизненным обстоятельствам, Венедикт учился хорошо. Его пытливый ум легко схватывал преподаваемые предметы.

Он зачитывался детективами. И, проведя несколько расследований убийств уже в юношеские годы, не видел себя в другой профессии.

Судьба распорядилась таким образом, что Венедикт сталкивался с убийствами не простыми, а связанными с мистикой. Могущественная ведьма, посвященная самим Сатаной, с юных лет Венедикта взяла его под свое покровительство, рассчитывая использовать в своих целях его самородный талант детектива.

Своей юношеской мечте он не изменил. После окончания школы он легко, как-то непринужденно, поступил в юридический институт. Выбор учебного заведения к этому времени был для него очевиден.

Мать, узнав, что сын поступил в юридический институт, очень расстроилась. В своих планах она

видела его великим хирургом, ну, или, в крайнем случае, великим терапевтом. Во всяком случае, даже в самом страшном сне ей не могло присниться, что ее сын, ее Венечка, будет милиционером, будет ловить убийц и насильников. Повседневно общаться с пьяницами, с ворами. Это так грубо, неприлично.

Напившись вдоволь валерьянки, мать безапелляционно заявила сыну, что у него ничего не получится на этом поприще, что ему нужно избрать другой жизненный путь. Стать врачом, например. Это так престижно. И, в конце концов, будешь гарантированно материально обеспечен.

Отец очень удивился, узнав о неожиданном выборе своего сына. Но перечить не стал, лишь философски заметив, что каждый сам выбирает свой жизненный путь.

Венедикт, пойдя против воли матери и, пользуясь пассивной поддержкой своего отца, с энтузиазмом взялся за учение. В частности ему хотелось доказать и родителям и самому себе, что выбранная им работа ему по силам.

Он с увлечением занялся углубленным изучением химии, физики, математики, юриспруденции и криминалистики. Особое внимание он уделял детальному изучению ядовитых растений, любовь к которым ему привил его старый учитель биологии Станислав

Викторович. Но все, что не входило в сферу его интересов, было ему не интересно.

Кроме перечисленных наук, он, пожалуй, любил еще физкультуру. Его увлечение спортом, сформировали его тело. Он даже был кандидатом в мастера спорта по самбо. Он смог бы достичь больших успехов на этом поприще. Но его манила другая стезя. Обладая природными данными и активно занимаясь спортом, он стал красивым, высоким, мускулистым молодым человеком.

Успешно окончив юридический институт, пришел работать в Следственный комитет при прокуратуре. Работая здесь, он почувствовал истинный вкус к следовательской деятельности. Ему нравилось расследование сложных уголовных дел. Его способности заметили и стали поручать наиболее запутанные дела.

Шоком было для Венедикта неожиданная смерть совсем еще молодого отца. Не выдержало сердце его нагрузки. Сильно постаревшая после ухода из жизни отца мать уговаривала Венедикта бросить эту деятельность. Заняться чем-нибудь более спокойным. Но сын целиком посвятил себя работе. Стиснув зубы, презрев все препятствия, он рвался к достижению поставленной цели. Он решил доказать и себе и другим, что он сможет и без помощи отца достигнуть в жизни больших высот.

Будучи по природе своей человеком

общительным, он имел много друзей. Жизнь показала, что дружбу надо ценить. Он всегда охотно помогал своим однокурсникам, щедро делился своими знаниями. И после института он охотно поддерживал со своими однокурсниками дружеские отношения.

В других условиях он достиг бы больших высот, но... Приближался к концу двадцатый век. В милиции, как и во всем обществе, воцарил бардак и неразбериха. Вовсю расцветала коррупция. Не минула она и Следственный комитет.

Сначала были разовые сборы — на день рождения генерала в главке, на ублажение проверяющих. Потом установилась практика регулярных продуктовых наборов — фрукты, колбаса, мясо и т. п.

Венедикт тоже был втянут в этот круговорот. Пришлось и ему регулярно проезжать по коммерсантам, которых он «крышевал». Постепенно эта «натуроплата» перешла в прямое денежное выражение.

При этом его руководитель еще и сам «крышевал» определённый бизнес, как правило, самый «вкусный» на его территории, куда никто из его подчинённых носа совать не должен, даже если туда ведут нити уголовного расследования.

Все то, о чем он мечтал все детские годы, на деле оказалось лишь легким туманом. Образ

неподкупного детектива, с легкостью раскручивающего самые запутанные уголовные дела, постепенно разрушался от жестокой действительности. Встала дилемма, либо изменить себе, сломаться и брать взятки, поддаваться поступающим угрозам, продаваться наступающему агрессивному растущему бизнесу, или остаться верным своим принципам.

И Венедикт возроптал. В результате с небольшой пенсией оказался Венедикт не у дел. Благо один из друзей на дружеской попойке, организованной по случаю его ранней пенсии, посоветовал ему организовать частное детективное агентство.

Идея Венедикту необыкновенно понравилась. Быть хозяином своего детективного агентства, не зависеть от капризов вышестоящего командования. Что может быть желаннее?

И вскоре, оформив все необходимые документы, стал Венедикт владельцем небольшого детективного агентства. Наконец он освободился от давления начальников. Он сам себе стал начальником и отныне мог позволить себе делать все, что ему интересно. Ну, или почти все.

Начальный капитал для создания компании был сформирован от продажи городской двухкомнатной квартиры, которую родители подарили ему в честь окончания института. Правда,

Венедикт не очень-то страдал от потери квартиры.

В городе ему уже порядком надоело. Его стали утомлять городская толчея, загазованный выхлопными газами воздух, бесконечные автомобильные пробки. За городом он чувствовал себя значительно комфортнее. На остатки денег он начал поиски приличного дачного домика, где можно было укрыться и от городской суеты, и где можно было прожить круглый год.

И вскоре подходящий дом Венедикт купил. Его прельстило, что его новое жилье было все засажено огромными деревьями, бережно сохраненными при строительстве старыми хозяевами. К тому же весь большой участок был обнесен высоким забором. Так что и соседей ни с одной стороны не было видно. Выходило так, что дом был укрыт от чужих любопытных глаз.

Понравился ему и дом. Совсем недавно построенный, одноэтажный, выдержанный в стиле шале. В общем, осмотрев участок и дом, Венедикт пришел к выводу, что это гнездышко как нельзя лучше отвечает его желанию в нужный момент укрыться в нем от надоедливых людей. К тому же и от города было недалеко. Ну что такое в наше время два часа потратить на дорогу от дачи до места работы?

Созданное им агентство было небольшим. Он взял себе в помощники молодого выпускника

юридического института Алексея со смешной фамилией Заяц. Поняв, что вдвоем детективный бизнес вести не очень удобно, он вскоре пригласил на работу молодую девушку, Дарью Кузьмину, на которую кроме обязанностей детектива были возложены обязанности и секретаря.

Дарья была, пожалуй, единственной женщиной, которую Венедикт не рассматривал в качестве своей очередной сексуальной добычи. И не потому, что она была некрасивая или характер у нее был пресквернейший. Скорее наоборот, она была и красива, и характер у нее был прекрасный. Может поэтому, когда Венедикт случайно заглядывал в ее лучистые карие глаза, ему становилось не по себе. В ней он видел угрозу своей раз и навсегда, как он считал, установленной независимости от женского пола.

Через полгода работа ему смертельно надоела. Он жаждал настоящего дела, где он смог бы в полной мере проявить свои сыскные способности. Ему же приходилось следить за неверными супругами, фотографировать их в момент амурных встреч и докладывать заказчику. Это приносило, конечно, доходы и позволяло оставаться на плаву его маленькой компании. Но это было так скучно, так неинтересно. Взвалив все текущие дела на своих помощников, Венедикт все чаще пропадал на своей новой даче.

Изредка он появлялся в офисе, невнимательно, с видом скучающего денди, заслушивал доклады своих подчиненных, приводил в порядок немногочисленные документы и с чувством выполненного долга, с облегчением, снова убирался в свою вотчину.

Иногда судьба сжаливалась над детективом, подбрасывала ему интересные дела, связанные с убийствами. В основном это были дела, которые ему подбрасывали его бывшие сослуживцы, когда не хватало своих сил для расследования, или когда милицейский сыск заходил в тупик. И получалось, что ему приходилось распутывать самые сложные и запутанные дела, связанные с убийством.

Тогда в нем просыпался дремлющий в повседневной текучке сыщик и он, забыв о сне и отдыхе, целиком окунался в расследования, иногда привлекая себе в помощь своих сотрудников. Особенно, если нужно было собрать большой объем информации или последить за объектом в течение длительного времени. Раскрыв очередное запутанное дело, он получал свое законное финансовое вознаграждение и снова удалялся на дачу, впадая в своеобразную спячку.

Раскрытые запутанные дела приносили ему не только доход, но и содействовали укреплению его авторитета среди сыщиков, как специалиста по раскрытию сложных преступлений.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Венедикт расслабленно лежал в шезлонге на террасе дома и занимался своим любимым делом. А, проще говоря, лежал и ничего не делал. Несмотря на раннее весеннее утро, солнце палили нещадно.

Венедикт лениво достал из сумки — холодильника очередную банку пива, легким движением руки вскрыл ее и припал к отверстию, поглощая ароматную прохладную жидкость. Закурив сигарету, откинулся на спинку шезлонга и закрыл глаза, отдаваясь целиком неге.

Его отдых был нарушен стуком молоточка, который прежний хозяин очень удачно повесил на калитку.

— Кого еще черт несет в такую рань? — пробормотал он с неудовольствием. — Не дадут расслабиться.

Венедикт нехотя поднялся, поставил рядом с шезлонгом открытую банку пива, и расслабленной походкой не спеша направился к калитке. К выходу вела забетонированная дорожка, за краями которой расстился зеленым ковром недавно постриженный газон.

Открыв калитку, Венедикт выглянул на улицу. К его изумлению за калиткой стоял невысокий,

щупленький мужичонка. Слегка покачиваясь от принятого с утра пораньше на грудь алкоголя, он серьезно сквозь насупленные брови из-под козырька низко надвинутой на глаза кепки, смотрел на Венедикта.

Он стоял, тяжело дыша, жадно хватая раскаленный воздух открытым ртом. Стянув с головы кепку, начал обмахиваться, почти с ненавистью поглядывая на высоко стоящее яркое весеннее солнце.

— Ну и весна в этом году! Середина мая, а, поди ж ты, жарища-то какая неимоверная! — пробормотал незваный посетитель вместо приветствия, небрежно надевая кепку, едва хозяин открыл калитку.

— «Ага, еще и на грудь, судя по всему, с утра пораньше принял немало», — подумал Венедикт, раздраженно ожидая объяснения причины его появления.

— Тебя как зовут-величают? — после некоторого молчания, по-прежнему не здороваясь, спросил мужик.

— Венедикт, — несколько обескураженный вопросом ответил тот, стараясь быть максимально доброжелательно.

— Необычное у тебя имя, редкое. А я — Николай, твой сосед справа. Вчера проходил мимо, смотрю, а в доме появился новый хозяин. Ну, оно и

понятно, дом-то хороший. — Николай, приподнявшись на носочки, заглянул соседу через плечо. — Да и участок неплохой. Я жене говорил, что такая дача надолго без хозяина не останется. — Николай снова сдернул с головы кепку, вытер ладонью струившийся по лбу пот. — Слушай, земля, а приходи-ка сегодня вечером к нам в гости, — неожиданно изменил тему разговора Николай. — Посидим, поужинаем. Жена сегодня с утраца на рынок сбегала, грудинки купила свеженькой. Приготовит что-нибудь вкусненькое. Посидим, поужинаем, познакомимся поближе. Все-таки соседи. А соседи... Они же ближе родственников. А?! Как тебе моя идея?

— Спасибо, Николай. Я обязательно приду. Твоя идея мне очень нравится, — недолго колеблясь, ответил Венедикт согласием, тем более что был на даче совершенно один, и перспектива поужинать домашней едой, вместо ставшей привычной, но порядком надоевшей, сухомятки, представлялась ему приятно радужной.

Дом его нового знакомого находился совсем недалеко. Метрах в ста по его улице. Получив подробные разъяснения словоохотливого соседа, как разыскать его дом, Венедикт закрыл калитку, и пошел допивать пиво.

Вечером, когда пылающий круг солнца подкатывался к горизонту, Венедикт подошел к

высокому, двухэтажному дому.

Первый этаж был сложен из кирпича, а второй сделан из добротного деревянного бруса, совсем недавно покрашенного нежно-голубой краской.

Венедикт, оглянувшись в поисках чего-нибудь, чтобы постучаться. Подняв с дороги камень, постучал в калитку. Где-то в глубине двора залаяла собака. Стукнула дверь дома, и звонкий женский голос прокричал «Тубо, ну-ка, цыц! Черт бы тебя побрал. Иди, давай, в будку!». Тубо еще несколько раз для острастки твякнул и, замолчав, полез в будку, громко гремя цепью.

Пелагея, жена Николая, оказалась женщиной, которой было уже явно за шестьдесят. Коротко стриженная крашеная блондинка. Невысокая, около ста шестидесяти сантиметров, полная женщина. На толстой, в солидных складках шее, висела золотая, низкой пробы, цепочка. Николай был лишь слегка выше своей супруги. На Венедикта она, как объект мужского вожделения, впечатления особого не произвела. Но, как оказалось, у Пелагеи на этот счет было совсем другое мнение.

Только они сели за стол и приступили к ужину, как Венедикт почувствовал, что по его ноге кто-то энергично водит ногой. Он с удивлением взглянул на Пелагею. Та сидела с каменным лицом, сосредоточенно закусывая грудинкой очередную

рюмку водки, которую она только что лихо выпила. Пила она легко и непринужденно. Венедикт даже позавидовал этой ее способности.

Венедикт взглянул на Николая. Тот настороженно сидел, внимательно наблюдая за реакцией своего гостя.

— А что, у вас дети есть? — поинтересовался Венедикт.

Собственно говоря, ему было глубоко до лампочки, есть ли у соседей дети. Спросил, чтобы как-то завязать разговор и нарушить нависшую напряженную тишину. Да и Пелагею нужно было как-то отвлечь от ее слишком открытых сексуальных притязаний. Он почувствовал, что ее нога перестала гладить его. Ему даже показалось, что супруги даже вздрогнули от его вопроса.

Они переглянулись. Николай отвел глаза в сторону и сразу как-то постарел, сгорбился. Пелагея после некоторого неловкого молчания тяжело вздохнула.

— Да, у нас был сын Саша. Он год назад умер. Точнее погиб при невыясненных обстоятельствах. Теперь вот остались мы вдвоем со стариком.

— Искренне соболезную. Извините, я не знал о вашей горе, — смутился Венедикт.

— Чего уж... Прошло уже много времени, как его не стало, — вздохнул Николай.

Хозяин дома, тяжело приподнявшись со стула,

потянулся за бутылкой.

— Давайте выпьем за упокой его души, раз уж разговор зашел о нем, — разливая водку по стаканам сипло предложил он.

Выпили за упокой души Александра. Потом пили за здоровье присутствующих, потом — за здоровье отсутствующих. Вскоре была открыта вторая бутылка, третья. Венедикт от бурных возлияний уже начал с трудом соображать. Хозяева тоже уже были весьма пьяны, но держались бодро. Видно сказывалась большая тренировка в этом вопросе.

— А как он погиб? — поинтересовался Венедикт, старательно пытаясь поддеть вилкой небольшой соленый огурчик.

— Странная это была смерть, — Николай утер ладонью слезу, неожиданно заскользившую по щеке. — Саша наш работал археологом. Последние годы они проводили раскопки где-то на Алтае. Подробности мы не знаем. Нам он писал редко, об экспедициях ничего не рассказывал. А вот перед смертью после последней экспедиции неожиданно приехал к нам на дачу. Сказал, что хочет отдохнуть. А мы только рады были, само собой. Только позднее узнали, что он уволился из института.

Я с Пелагеей, воспользовавшись подвернувшимся случаем, оставили его на хозяйстве и поехали в город за пенсией. Когда

через несколько дней мы приехали утром на дачу, он лежит, вот здесь под лестницей, — Николай, повернувшись на стуле, показал на место, где был обнаружен труп сына, — и голова на бок свернута. Мы к нему, да какой там? Закоченел уж давно. Видно ночью это и приключилось. Как все это произошло, мы не знаем. Вызвали, естественно милицию. Милиция пришла к выводу, что ночью он по какой-то надобности спускался по лестнице, споткнулся, да и полетел вниз головой. — Николай глубоко вздохнул. — Несчастный случай, одним словом.

— Он что, выпивший был?

— Да нет, что ты, окстись! Саша у нас не пил практически. Так, по праздникам, рюмку-другую, и все, — обиженно промолвил Николай.

— Хм, действительно странно. Совершенно трезвый мужчина в расцвете сил падает с лестницы и сворачивает себе шею. Странно... — пробормотал Венедикт.

— Вот погоди, мы сейчас тебе кое-что покажем. Никому не показывали, а тебе... — пробормотала заплетающим языком Пелагея. — Мы чувствуем, хороший ты человек.

Слегка покачнувшись, она тяжело облокотилась о стол, встала и, с трудом передвигая ноги, шаркая стоптанными тапочками по щербатому, давно некрашеному полу, подошла к

старому серванту, занимающему почетное место в небольшой кухне. Сбоку его поманипулировала чем-то, нажала на какую-то доску, слегка сдвинула ее в сторону. Под доской образовался небольшой тайничок. Женщина достала что-то из образовавшейся ниши.

В первый миг в неярком свете электрической лампочки Венедикту показалось, что она несет небольшой тубус. Но когда она, не спеша вышла на освещенное место, оказалось, что это сверток.

— Вот и все, что осталось нам от сына, — грустно пробормотала она. Развернув кусок черного бархата, показала Венедикту нечто, похожее на куклу, сделанную из камня.

— Что это? — заинтересовался Венедикт.

Он произвольно бросил взгляд на кусок ткани, который остался в руках Пелагеи. Заметил, что кроме статуэтки там лежал еще какой-то сверток. Но в комнате было темновато, и подробности он не смог разобрать. Да и Пелагея быстро завернула ткань.

— Не знаем мы, — ответил Николай, наливая в стаканы водку. — Какое-то древнее божество. Его Александр привез из последней экспедиции. Говорят, что он очень хорошим был ученым, — с гордостью закончил Николай.

— К нам после смерти Саши приезжали его товарищи, соболезновали, говорили, что в

институте его очень уважали и любили, прочили ему большое будущее. Сказали, что погиб он из-за проклятий, наложенных на какой-то артефакт. Что за артефакт, понятия не имею. Спрашивали, нет ли у нас чего-нибудь из его последней экспедиции. Только мы не признались, что у нас осталось это божество. Последняя память о нашем сыне. Пусть лежит. Иной раз, когда становится совсем невмоготу, вытащим его, поставим на стол, да и поплачем, глядя на него, — дополнила мужа женщина.

— Можно взглянуть на него? — проговорил Венедикт, протягивая руку.

Пелагея неохотно протянула фигурку, бросив при этом на мужа быстрый взгляд.

Венедикт осторожно взял фигурку. Он почувствовал, как все его тело начало наполняться неизвестно откуда берущейся силой. Появилась необъяснимая легкость, голова начала работать ясно. Неожиданно в глазах его на мгновение потемнело, и начали возникать картины, никогда ранее им не виденные.

Он вдруг увидел камеру, освещаемую тусклым светом свечи, стоящей на вертикальной стенке громоздкого каменного гроба. В небольшом полутемном помещении он стоит на четырех огромных каменных глыбах. В гробу лежит тело. В камере находилось два человека.

Один молодой поджарый, со спортивной выправкой стоит у стены камеры. Второй был невысокого роста, плотного телосложения, совершенно лысый. На его переносице блестели в свете свечи круглые архаичные очки с толстыми стеклами. Он склонился над гробом, что-то там высматривая.

Венедикт от неожиданности вздрогнул, когда увидел, что молодой присел, зашарил по стене рукой в поисках чего-то. Вскоре в руках у него оказалось кайло. Он приподнялся, размахнулся и вонзил его лезвие в спину наклонившегося над гробом человека.

Мужчина выгнулся неестественно назад. Венедикт с ужасом увидел его открывшийся в немом крике рот. Он зашатался, сделал небольшой шаг вперед и упал на живот, царапая пальцами земляной пол камеры. Молодой наклонился, что-то выхватил из рук упавшего, засунул за пазуху и выскочил из камеры.

И вновь перед глазами лишь темнота. Венедикт встряхнул головой, отгоняя остатки видений. Он ладонью вытер со лба неожиданно выступивший пот, и начал внимательно рассматривать статуэтку. Она была достаточно тяжелая. Сделана она была весьма искусно из почти черного камня турмалина.

Это была фигурка обнаженного пожилого

человека. Все пропорции человеческой фигуры были строго соблюдены. Вот только голова была значительно больше положенной. В качестве глаз были большие испанские топазы, тщательно отполированные. Даже зрачки были сделаны из зеленого малахита. Глаза были тоже непропорционально огромными. Они ясно давали понять созерцателю, что никакие его деяние не будут скрыты от его всевидящего ока.

Бросались в глаза и широкие плечи каменного атлета, искусно выточенная хорошо развитая мускулатура. Венедикт заморожено рассматривал волосы на голове и длинной бороде статуэтки. Они были настолько тщательно сделаны, что казалось, что дунь сейчас ветерок и они охотно откликнутся на его действие.

Правая рука почти прижата к телу и на ладони стояла миниатюрная фигурка совы, также очень тщательно сделанная из черного циркона. Ее непропорционально огромные глаза были сделаны из золотистого гелиодора.

Левая рука опущена вниз и держала короткий меч с широким прямым клинком, упирающимся в площадку из буро-красного алмадина, на котором стояла статуэтка.

Когда Венедикт повернул божество к себе лицом и заглянул в глаза, даже мурашки побежали по его телу. Глаза настолько живо и пронзительно

смотрели на него, что Венедикту стало не по себе. Как будто сам ужас, обнаженный, очищенный от шелухи серой повседневности, смотрел на него из глубины веков. Он вздрогнул от этого взгляда и постарался поскорее отвернуть божество от себя.

Хмель постепенно покидал голову Венедикта. В нем медленно, тщательно отряхиваясь от алкоголя, просыпался профессионал.

— А не помните, кто приезжал к вам? — поинтересовался Венедикт, осторожно протягивая ожидающей Пелагеи фигурку божества.

Женщина взяла фигурку, аккуратно завернула ее сначала в какой-то кусок кожи, затем в кусок черного бархата, и, повозившись немного со своим тайником, спрятала свой ценный клад. Повернувшись, взглянула на молчащего мужа, вздохнула с толикой сожаления.

— Девушка приезжала, красивая такая, — проговорила она, слегка растягивая слова. — Блондинка с большими голубыми глазами. И фигурка — ладная такая. Мы тогда еще подумали со стариком, вот бы нам такую невестку. С ней был какой-то парень. Вот его мы и не запомнили. Обычный такой парень, серенький такой. Таких много вокруг.

— Парень довольно высокий, волосы у него длинные, а на затылке ленточкой стянуты, — добавил Николай, вспоминая подробности той

встречи. — Одет был в модные сейчас джинсы и джинсовую куртку. Больше ни чего сказать не могу. Не помню уже. Ведь больше года прошло.

Венедикт понял, что сейчас ничего нового он не узнает, и надо убираться из этого дома, чтобы избежать сексуальных домогательств Пелагеи. Не хватало еще нажать себе кровных врагов среди соседей в первый же день знакомств.

Венедикт поблагодарив хозяев за ужин и приятную компанию, несмотря на настойчивые предложения продолжить дружеское застолье, он, слегка покачиваясь, встал и побрел домой, сопровождаемый лаем неугомонного Тубо.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Венедикт, недавно приехав на дачу, лежал на шезлонге, предаваясь ставшими привычными меланхоличными раздумьями в дачной тишине. Солнце лениво катилось к закату. Постепенно наступала вечерняя прохлада, приходя на смену дневному зною. Его сегодняшнее настроение вполне отвечало его неизменному тяготению к отрешенности от городской суеты.

Иногда он вспоминал о своих соседях, с которыми он познакомился четыре дня назад. Его пытливый ум, постоянно требующий нагрузки, то и дело возвращался к подробности гибели сына

соседей. И к таинственной фигурке какого-то божества, так подействовавшего на него. О видениях, которые так потрясли его, когда он взял ее в руки. Об ужасе, обуявшем его, стоило ему взглянуть ей в глаза. Интересно, что это за божество, почему оно имеет такую силу воздействия на человека? Что за сцену убийства видел? И почему это божество не действует на Николая и Пелагею? А, может, воздействует?

— «Жаль, что я не спросил, воздействует ли это божество на Николая и Пелагею? Было бы интересно сравнить свои и их ощущения», — запоздало с досадой подумал Венедикт, — «надо будет спросить у них как-нибудь при встрече».

Однако очень скоро его неспешные размышления были самым бесцеремонным образом прерваны. В стоящей вокруг предвечерней тишине громко стукнула калитка. Он в удивлении поднял голову.

— «Вот черт, забыл калитку запереть! Вот теперь и получай за свою забывчивость. Кого это еще несет на мою территорию в столь неурочное время?» — раздраженно подумал он. — «Не дают отдохнуть спокойно».

По забетонированной дорожке, слегка покачиваясь, к дому шел Николай. Он был сильно пьян. Его худощавые щеки были покрыты многодневной седой щетиной. На нем была одета

выцветшая футболка. Сквозь дырку на плече просвечивало загорелое тело. Венедикт поднялся и пошел к неожиданному гостю.

Увидев Венедикта, Николай громко икнул и зарыдал, по-бабьи всхлипывая и вытирая текущие из его глаз широким потоком слезы.

— Николай, что случилось? Почему ты рыдаешь? — взволнованно спросил Венедикт, который в принципе не переносил слез, тем более мужских.

— Моя жена...

— Что случилось с твоей женой?

— Веня, моя Пелагея умерла, — давясь рыданиями, проговорил Николай.

— Как умерла?

— Погибла она. Позавчера мы вдвоем отмечали день рождения Тубо. Наш праздник закончился поздно вечером, — всхлипывая, с трудом борясь с сотрясающими его конвульсиями, начал рассказывать Николай. — Утром я встал пораньше. Решил поработать в саду, пока солнце не поднялось, и прохладнее было.

Спускаюсь по лестнице, смотрю, а Пелагеюшка лежит на полу, у лестницы, будь она трижды проклята, и не дышит. Я ей искусственное дыхание начал делать, а она не реагирует. Вызвал скорую помощь, милицию. Медики констатировали смерть, а милиция начала расследование.

Почитай целый день милиционеры лазали по дому, искали чего-то. Меня допрашивали, соседей. Особенно начальник ихний старался. Позабыл вот, как его фамилия. Совсем памяти не стало на старости лет. — Николай растеряно потер грязной рукой покрытый испариной лоб, стараясь вспомнить ее. — Варов, что ли? — неуверенно пробормотал он. — Так он все домогался, все расспрашивал меня, не пропало ли что ценное в моем доме?

Николай испуганно оглянулся и, приблизившись вплотную к Венедикту, прошептал горячо на ухо:

— И почему-то шибко настойчиво спрашивал, не пропал ли у нас атр... нет, артефакт какой-то ценный? — с трудом справившись с малознакомым словом, прошептал Николай. — Он, наверно, имел в виду статуэтку Александра. Я сделал вид, что ни о каком артефакте ничего не знаю. Он так осерчал! Ужас прям! И дался ему этот артефакт!?

Он замолчал, бурно переживая случившееся.

— Как же я теперь без жены жить-то буду? — всхлипывая, задал Николай риторический вопрос, глядя на Венедикта глазами, полными слез. — Я ведь совсем один-одинешенек на свете остался.

Венедикт с сочувствием воспринял новость. Знакомство его с погибшей женщиной было не долгим. Но сознавать, что человек, с которым ты

еще совсем недавно общался, разговаривал, сегодня уже мертв, было не очень приятно. Да еще этот настойчивый интерес неизвестного Варова к древнему божеству. Над этим фактом стоит подумать при случае.

Зная, чем можно отвлечь и успокоить расстроенного приятеля, он пригласил Николая домой. Дома Венедикт заботливо усадил его на стул, поставил на стол два граненых стакана, непечатую бутылку водки, нарезанную в спешке привезенную из города колбасу.

Разлив водку по полному стакану, Венедикт протянул один страдающему соседу.

— Давай, Николай, выпьем за упокой души Пелагеи. Пусть земля ей будет пухом.

Николай, услышав предложение Венедикта, снова захлюпал носом, обтер глаза подолом грязной футболки и потянулся к стакану слегка дрожащей рукой. Выпили не чокаясь.

Помолчали, каждый размышляя о своем.

— Что говорит милиция по поводу смерти Пелагеи? — решил нарушить молчание Венедикт.

— Милиция? — нахмурился, пытаюсь сосредоточиться, с трудом владея заплетающимся языком, пробормотал Николай. — Она пришла к выводу, что произошел несчастный случай. Мол, шла после запоя, споткнулась и, свалившись с лестницы, сломала себе голову. Жил, жил человек,

и раз! и нет человека!

— А ты, Коля, что думаешь по этому вопросу? Ты согласен с этим выводом?

— Нет, Веня. С этим выводом я не согласен. Какой там несчастный случай? Пелагея этой лестницей уже тридцать лет пользуется... То есть пользовалась, — поправился Николай слегка дрогнувшим голосом. — И я ею пользуюсь. И никогда никто не падал с нее. А вот год назад с этой лестницей одни несчастья связаны. Сначала, сын упал и умер. Теперь вот Пелагея... Ну, причем здесь лестница? Вполне она удобная. А то, что накануне мы выпили, это ничего еще не значит. Это же накануне было. За ночь Пелагея уже и протрезвела вовсе.

— Ты своей речью хочешь сказать, что и сыну и ей помогли упасть с лестницы?

Николай качнулся вперед. Чтобы не упасть уперся руками в стол.

— Да, я думаю, что их кто-то убил. Тем более что к нам позавчера приходил подозрительный человек, — не мигая, глядя в глаза Венедикту, неожиданно твердым голосом проговорил он.

Венедикт уже с интересом посмотрел на Николая.

— Что за человек? — поинтересовался он.

— Не знаю. Он, мне кажется, и не представлялся вовсе.

— А описать его ты сможешь?

— Да чего там описывать? Я его через открытую калитку и видел-то. Пожилой на вид, высокий, худой очень, слегка сутулый. Несмотря на жару, был одет в черный длинный плащ и в шляпе, низко надвинутой на глаза. Он еще прихрамывал слегка, опирался на тросточку.

— На тросточку? Это уже, какая-никакая зацепка. И что за трость?

Приметная? Может ручка какая-нибудь особенная?

— Трость?... — Николай задумался, вспоминая. — Да, вспомнил! Ты прав, Веня. Приметная у него такая тросточка. Я сразу обратил на нее внимание. Ручка у нее была металлическая, блестящая такая, в виде головы птицы какой-то.

Николай говорил медленно, с трудом подыскивая слова.

Венедикт не торопил приятеля. Для него было интересным сообщение о том, что к ним, накануне смерти женщины, кто-то приходил. И этот кто-то прихрамывал при ходьбе, опираясь на трость с весьма необычной ручкой. По этим фактам вероятность обнаружения таинственного посетителя достаточно высокая.

— И чего этому человеку нужно было от вас? — как бы мимоходом спросил Венедикт.

— А ничего. Он постучался в калитку.

Подошла Пелагея. Он просто спросил, не продается ли наш дом?

— И все?

— И все. Только мне показалось, что он внимательно осматривает наш дом и участок. Может, мне только так показалось? С чего это он постучал именно в наш дом? У нас и в мыслях не было продавать дом. Если бы этой ночью Пелагея не погибла я, конечно, не обратил бы внимания на этот факт. Но... — Николай замолчал, задумавшись, — и вообще, странный какой-то мужик. Что-то в нем было нехорошее. Знаешь, я плохое за версту чую.

Венедикт наклонился вперед и подлил ему еще порцию водки.

— А когда ты спустился со второго этажа, ничего подозрительного не заметил?

Николай поднял голову и взглянул на Венедикта, с трудом отвлекаясь от своих мыслей и пытаясь понять, о чем его спрашивают.

— Подозрительного? — Он качнулся вперед, и чтобы не упасть на стол, оперся об него. — Впрочем, не знаю, Веня. Нет, мне было не до того, чтобы выискивать подозрительное. Да и чего в моем доме может быть подозрительного? Обычный дом, который я построил своими руками, — Николай с ожиданием уставился на бутылку.

— Мало ли чего может быть подозрительного

даже в построенном тобой доме? Например, мебель стояла не так как обычно, или что-то появилось новое. Ты же хорошо знаешь свой дом, не так ли?

Николай задумался, восстанавливая в памяти обстановку своего дома.

— Естественно хорошо знаю свой дом, — качнувшись, пробормотал он. — Да нет, вроде все стояло на своих местах и нового ничего не появилось. Да и откуда ему взяться, новому-то?

— Да всяко бывает. Ладно, давай-ка, дружище, сходим к тебе. Посмотрим, жалом поводим. Может, что и найдем интересное.

— Каким еще жалом? — не понял Николай. — Никакого жала у меня нет. А, впрочем, пойдём, — всхлипнув, пробормотал несчастный мужчина.

Николай с трудом оторвал свой взгляд от бутылки, и уставился, не мигая, на приятеля. Венедикт без слов понял взгляд собеседника.

— Забирай бутылку Николай, — великодушно предложил он, — потом допьешь за упокой души своей жены.

Тот не заставил повторять эту фразу дважды. Он дрожащей рукой схватил початую бутылку и после некоторых усилий запихнул в карман брюк.

Закончив эту непростую для его состояния процедуру, он встал, при этом сильно покачнувшись. Венедикт подхватил Николая, чтобы

тот не упал.

— Николай, а подумай, как следует и вспомни, пожалуйста, у вас в доме ничего не пропало? — интересовался Венедикт, под руку ведя его по дорожке к калитке.

— Да вроде нет. Впрочем, я не очень внимательно проверял. Не до этого мне было. Милиция интересовалась, Варов этот, теперь ты... А чего ты интересуешься?

— Хочу разобраться в этом деле. Может это грабитель какой, забрался к вам в дом? А Пелагея его случайно застукала. Вот он и столкнул ее с лестницы.

— Не знаю! Да и чего у нас в доме может быть такое, из-за чего можно человека убить. Ты же был у нас. Ну чего у нас такого ценного, а? Ну, как я буду жить без Пелагеи? — снова захныкал Николай, пьяно утираясь полom грязной футболки.

Тубо, увидев входящего во двор хозяина и уже знакомого посетителя, гавкнул разок для порядка и полез в будку, громко гремя цепью.

Венедикт зашел в дом и начал внимательно осматривать пол. Временами он даже становился на колени, в поисках хоть каких либо следов присутствия постороннего человека. Его усилия были вознаграждены.

Под лестницей, у самой стены рядом с плитусом среди куч пыли он нашел кучку пепла.

Но пепел был явно не от сигарет. Пепел от сигареты обычно был в виде цилиндрика серого цвета. А этот лежал небольшой темной кучкой, даже вблизи похожий просто на комок мусора, которого сейчас в комнате было предостаточно.

Венедикту пришлось лечь на пол, стараясь уловить запах. Он был явно сигарного табака. Вероятно, убийца поджидал здесь свою жертву и курил. Это уже сверх наглость какая-то. Прийти в дом грабить, да еще и закурить. Станный какой-то грабитель.

Венедикт поднялся с пола, отряхиваясь от прилипшей грязи, при помощи куска газеты аккуратно собрал пепел в небольшой полиэтиленовый пакетик, который он по привычке прихватил из дома. Кроме этого никаких следов он не нашел.

После этого он начал вместе с Николаем проверять, не пропало ли что-нибудь. Но все было на месте. По просьбе Венедикта Николай проверил сохранность даже божка, которого Венедикт видел совсем недавно. Он был на месте, в тайнике, расположенном в буфете. Теперь Венедикт внимательно наблюдал за манипуляциями Николая, открывающего свой тайник.

— Николай, а скажи мне, пожалуйста, когда ты берешь эту статуэтку в руки, ты чего-нибудь чувствуешь? — поинтересовался Венедикт,

тщательно скрывая свой особый интерес к вопросу.

Николай с удивлением посмотрел на Венедикта.

— Я — чувствую? Тяжесть чувствую, прохладу. Она же каменная.

— И все?

— А что я еще должен чувствовать?

— Да ничего. Не обращай внимания на мой вопрос. Это я просто так поинтересовался, на всякий случай.

Воспользовавшись случаем, Венедикт впервые поднялся на второй этаж, чтобы посмотреть, что расположено там. Он обнаружил две небольшие комнатки, которые служили, судя по обстановке, спальнями для хозяев и их единственного сына.

Он подошел к небольшим окнам и выглянул во двор. Ничего интересного он не увидел. Со всех сторон было море зелени, макушки деревьев. Иногда в этом море зелени были видны крыши домов соседей.

Венедикт внимательно осмотрел рамы и подоконники всех окон на первом и втором этажах. Никаких следов взлома или других признаков незаконного проникновения в окна он не обнаружил.

Поняв, что дальнейшее пребывание в доме безутешного Николая ничего нового не принесет,

Венедикт, тепло попрощавшись с хозяином, отправился к себе на дачу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Утром Венедикта разбудил настойчивый стук молоточка в калитку. Чертыхаясь, он набросил на себя халат и босиком отправился открывать калитку. За калиткой стоял Николай. Вид у соседа был испуганный. Он постоянно оглядывался, словно опасался преследования.

Увидев Венедикта, он обрадовался. Оттолкнув хозяина, проскочил во двор, захлопнул калитку и тщательно запер задвижку. Прислонившись к калитке, он затравленным взглядом смотрел на Венедикта.

Придя в себя от этого неожиданного вторжения, Венедикт с профессиональным интересом смотрел на соседа.

— Николай, ты чего такой испуганный? Будто за тобой черти гонятся?

— Черти, не черти, но сегодня я чуть было не погиб ни за понюшку табака. У тебя выпить есть?

— С собой нет, но дома есть. Пройдем, раз пришел, — усмехнулся Венедикт.

Николай сел на террасе в ожидании Венедикта. Вскоре появился и хозяин, неся в руках бутылку водки и пару рюмок. К его удивлению

Николай, увидев водку, вскочил со стула и энергично замахал руками.

— Нет, нет, Веня! Ты мне водички простой налей. Я на водку эту проклятую сейчас и смотреть не могу.

Недоуменно пожав плечами, Венедикт принес стакан холодной воды. Николай, схватив стакан дрожащими руками, припал к нему губами и начал, обливаясь, жадно пить большими глотками. Венедикт сидел рядом, ожидая, пока его сосед утолит жажду. Николай со стуком поставил стакан и взглянул на Венедикта.

— После твоего ухода в доме стало твориться, не пойми что, — не дожидаясь расспросов хозяина, начал он рассказывать. — Ни с того, ни с сего, на втором этаже неожиданно послышался какой-то стук. Стук был негромкий, словно кто-то стучит окно. Я очень удивился, ведь в доме я был совершенно один. Решил проверить, что там творится. Только я ступил на первую ступеньку лестницу, как на меня сверху вдруг как полетит что-то темное. Я даже не могу сказать, что это было. Темное, продолговатое и будто крылья у него есть. Но все какое-то нечеткое, размытое. А крылья и вообще как-то рвано заканчивались.

Венедикт с сомнением посмотрел на соседа. Но тот, словно не замечая этого взгляда, продолжал.

— И это что-то как врежется в меня. Я от удара так и свалился со ступени. Хорошо еще, что не высоко было, не то разбился бы вдребезги. Когда я поднялся, никого в комнате не было, и стук прекратился. Ну, думаю, Николай, допился. Черте что уже мерещится. Пора завязывать с выпивкой.

Венедикт усмехнулся, все еще не веря приятелю.

Николай, заметив усмешку, посуровел.

— Ты, Веня, слушай дальше. Это еще не все мои приключения. Чтобы уж был повод бросить пить, я решил допить остатки водки, что ты мне дал и на этом завязать. Ну не пропадать же продукту!? За него, все же, деньги были заплачены, и не маленькие. Вечер вчера, если помнишь, был теплым. Я открыл окно, собрал на стол закуску. И черт меня дернул, решил посмотреть на божество. Достал я его, поставил на стол. Я сижу на стуле и смотрю на него. Вспомнил Сашу, Пелагею... И, понимаешь, Веня, что-то мне неожиданно страшно стало. Я не из робкого десятка, но... Тишина стоит гробовая, даже Тубо голоса не подает, вокруг никого нет, и только круглая луна заглядывает в окно.

Слышу за спиной какой-то шум. Поворачиваю голову и глазам своим не верю, на подоконнике сидит огромных размеров сова. Представляешь? Я сколько живу в этом районе, ни разу не видел сову

в дачном поселке. А эта тварь с шумом расправляет свои огромные крылья, взлетает и напрямик над самой моей головой летит к серванту. Усаживается наверх и смотрит на меня своими огромными глазищами. И клювом так зло щелкает. Меня прямо оторопеть одолела. Не могу, понимаешь, ни рукой пошевелить, ни ногой не дернуть. Не знаю, что и делать?

Посмотрел я на божество, а оно вдруг зашевелилось. Веня, я своим глазам не поверил, когда оно сошло с площадки и начало двигаться к противоположному от меня краю стола. Ты же понимаешь, ведь это божество каменное. Я его сколько раз в руки брал. Я-то знаю, что говорю! Но знаешь, странно он так двигается. Вроде и ноги едва шевелятся, а двигается достаточно быстро. Словно летит над столом. Долетело оно до края, да как грохнется на пол. Я уж решил, что кирдык ему пришел, разбилась статуэтка вдрызг. Пока я пришел в себя от неожиданности, вылез из-за стола, зашел на другой край стола, смотрю, а она, ядрена корень, стоит на ногах целехонькая и начинает быстро увеличиваться в размерах.

Николай замолчал, переживая произошедшие ночью события. Венедикт молчал, уже внимательно слушая рассказ приятеля.

— Божество стало уже ростом с меня, а потом и выше немного, — после некоторого молчанья,

справившись с волнением, продолжил рассказ Николай. — И вдруг, оно стало двигаться на меня. Громко стуча по полу каменными ногами, оно подошло почти вплотную ко мне. А я стою, будто парализованный, смотрю ему в глаза и не могу их отвести. И сил у меня нет отодвинуться или сбежать. Стою и чего-то жду. А божество, будь оно неладно, подняло руки, схватило меня за шею и стало душить.

— Николай, может, тебе все это показалось? Может ты вчера с горя перепил слегка. Вот и привиделось, не пойми что? — не выдержал Венедикт.

— Ты что мне не веришь, Веня? Ты думаешь, что я все это придумал? У меня белая горячка случилось, да? — в голосе Николая засквозила обида. — А вот это ты как объяснишь? Объясни мне, если ты умный такой.

Николай рванул за ворот рубашки, разбрасывая вокруг оторванные пуговицы и обнажая шею.

— Смотри, это я придумал, да? Я что сам себе такие следы оставил? Или, может, нарисовал, чтобы ты меня пожалел, водкой лишний раз угостил? Так ты думаешь?

На шее были ясно видны следы удушения. Венедикт даже приподнялся со стула, чтобы лучше их разглядеть.

— Извини, Николай. Действительно на шее видны синяки. И они весьма здоровые. Не каждый выдержит такое воздействие. И как же ты спасся, дружище, от этого таинственного чудовища?

Николай с обидой смотрел на приятеля. Он был искренне обижен недоверием с его стороны.

— Как, как! Ты прав, не каждый бы смог такое удушение выдюжить. Когда божество начало меня душить, я, будто очнулся от сна, схватил его за руки, и начал пытаться оторвать их от себя. Ты, Веня, не смотри, что я невысокого роста. Я мужчина сильный. Всю жизнь на стройке отработал каменщиком. Хоть и старый уже, а кое-какая сила в руках осталась еще.

Но, несмотря на все мои попытки, мне ничего не удавалось сделать. Сильное оказалось божество, да и руки мои скользили по его рукам. Они-то каменные, полированные. Я уже и сознание стал терять. Думал, все. Хана мне пришла. До утра мне на этот раз не дожить. И тут меня как озарило, решил испробовать последний свой шанс. Рванул себя за ворот своей футболки, нащупал, царапая ногтями грудь, крест освященный. Достал его, да изловчившись, прислонил его ко лбу божества.

Николай гордо взглянул на Венедикта.

— И представляешь, Веня?! Божество открыло свой огромный рот, обдавая меня запахом гнили и смрада невероятного, показывая мне

острые, блестящие при свете лампы клыки, зарычало страшным голосом, отпрянуло от меня. Его форма стала какой-то аморфной, зыбкой. Черты лица исказились, челюсть в сторону повело. А глаза огромные стали еще больше и такой злобой засверкали, что я чуть было богу душу не отдал от страха.

Однако божество быстро от меня отделилось, упало с грохотом на пол и начало быстро уменьшаться в размерах. Вскоре оно лежало своих обычных размеров. Тут я вспомнил о сове, взглянул на нее, а ее и нет на серванте. Видно вылетела в открытое окно в момент нашей борьбы.

Я выскочил во двор, захлопнул дверь, окна даже ставнями закрыл и долго стоял, прислонившись к ней, приходя в себя. Ты, может, будешь смеяться, но остатки ночи я провел рядом с будкой Тубо. В будку мне было не забраться, а все спокойнее, когда живая душа рядом. Так до утра и просидел, не сомкнув глаз. А как рассвело, так я и к тебе.

Венедикт в задумчивости сидел, размышляя над услышанной историей. Рассказанная история, действительно похожа на правду. Да и доказательства Николай привел убедительные, показав ему синяки на шее. Но уж очень фантастической она выглядела. С чего это вдруг божество решило убить Николая? И почему до того

обычная фигурка божества вдруг стала оживать? Что послужило толчком к возникновению этих изменений?

— Николай, насколько я помню, в руках этого божества был меч и фигурка совы... Они были, когда оно пошло на тебя?

Сосед почесал переносицу, вспоминая.

— Я вспомнил! Меч оно на стол положило, а вот совы не было... Точно не было.

Венедикт снова задумался над таинственным происшествием, а Николай неожиданно сказал:

— Веня, я вот тут подумал, может это божество и убило Александра и Пелагею? Уж больно странными мне кажутся эти смерти. А тут еще и на меня оно напало. Я и спасся-то чудом каким-то. Уберег меня Бог от неминуемой смерти. А Саше и Пелагее такой путь спасения в голову не пришел. А? Как ты считаешь?

— Я не знаю, Николай. Может ты и прав. Странное что-то творится в твоём доме. Может, ты у меня поживешь некоторое время? Пока мы не разберемся с этими загадками.

— Спасибо, Веня, за предложение, — потускневшим голосом проговорил Николай. — Но я уж домой пойду. Я утром, когда уж солнце взошло, зашел в дом. Божество так и лежало на полу. Обычная статуэтка, ничего страшного. Набрался я храбрости, взял, да и положил его на